

Энакин задался вопросом, сохранил ли Шив Палпатин хоть каплю этого печально известного нубийского тщеславия. Ему доставляло некоторое удовлетворение думать о том, каким уродливым стал Император. Хотя, по правде говоря, он знал его как Дарта Сидиуса достаточно долго, чтобы понять, что его учитель ситхов не заботился

о таких вещах... он заботился о неограниченной силе темной стороны и получал удовольствие от того, что играл других людей за дураков. Он, вероятно, думал, что его собственное ужасное лицо было новым стандартом красоты. Хотя он никогда не опускал капюшон после того дня, когда мастер Винду оставил на нем шрам от собственной молнии.

Было трудно понять, насколько Палпатин все еще был человеком. Даже будучи Дартом Вейдером, он не смог разобрать его. Человек, который когда-то казался добрым дедушкой с наилучшими пожеланиями в сердце, так сильно изменился в тот день, когда одержал победу над джедаями. Нельзя было сказать, что он когда-либо был добр к Вейдеру после того дня. Воскрешение его из близкой смерти не в счет.

Энакин не просил и не хотел этого.

- Энакин? Ты меня слушаешь?"

- Да, - машинально ответил он, хотя его мысли унеслись прочь, пока она все еще говорила.

- Нет," вздохнула она, "Это не так. Иногда мне интересно, где ты ветаешь.."

(Интересно, кто там внутри...)

- Я здесь, - сказал он, беря ее за руку. Он был липким от фруктов шууры. Он сжал ее и улыбнулся. Она просто смотрела на него с неподвижным выражением лица.

Он задавался вопросом, сколько времени ей потребуется, чтобы посмотреть на него и снова увидеть Энакина Скайуокера. Он был уверен, что Дарт Вейдер отражался в ее глазах каждый раз, когда он встречался с ней взглядом. Он увидел маску, которую никогда не носил, и почему-то почувствовал, что она тоже это видит.

Брилден был городом, почти недоступным, кроме как по воздуху. Расположенный в глубокой долине и окруженный высокими, негостеприимными горами с заснеженными вершинами, он был древней крепостью, существовавшей задолго до того, как воздушные или космические путешествия пришли на далекую планету Внешнего Кольца Осаллао. Кольцо гор держало жителей долины в относительной безопасности от мародерствующих вампов и позволяло им процветать в самой ранней цивилизации планеты.

За эти годы он вырос в столицу планеты, и через него были проложены дороги

горы соединяли его с внешним миром, но Брилден никогда не терял своей таинственности как Скрытый Город. Обитатели темной долины, как окрестили местных жителей, были расой покрытых густым мехом гуманоидов, которых иногда путали с вуки. Но в отличие от туземцев Кашиика, осалланцы были сопоставимы по росту с людьми и легко говорили на базовом языке. Некоторые из них привыкли бриться, и все носили одежду, как будто сознательно отделяя себя еще дальше. Говорили, что лучший способ оскорбить и оттолкнуть осаллана-это принять его за Вуки.

С тех пор как на Осаллао появились другие расы, Брилден стал самым крупным

поселением на планете. Несмотря на свое прежнее отличие от скрытой крепости, теперь он видел самые межгалактические путешествия и разнообразие видов.

Это делало его логичным местом назначения для группы людей-иммигрантов и их служебных дроидов.

Большинство обитателей Брилдена собрались в северо-восточном секторе, и именно там

Скайуокеры построили свой новый дом. Это было не большое жилище, а скромный каменный коттедж который, как и большинство зданий на горном краю долины, компенсировал отсутствие великолепия, открывая захватывающий вид на космодром, раскинувшийся внизу. Если вы стояли у входной двери или смотрели в окна, вы могли бы рассмотреть далекий зубчатый горизонт на юге.

Энакин надеялся, что в какой-то степени вид напоминал пентхаус Падме на Корусканте. Он потратил почти все оставшиеся кредиты от продажи космического корабля Падме, чтобы купить дом. Он надеялся, что Падме будет более заинтересована в том, чтобы посмотреть на дома, выставленные на продажу, и было бы мнение о том, какой из них купить. Однако ее усталость и недомогание, казалось, только усиливались, и он беспокоился, что она впадает в вялую депрессию. Это из-за путешествия и беременности, сказал он себе. Она придет в себя, как только они пройдут это трудное

время. Падме всегда была жизнерадостной.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1425641>